

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

КУЛЬТУРА

МОСКОВСКИЕ гастроли

ШЕСТЬ ВЕЧЕРОВ

На спектаклях Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина

И вновь, как встарь и как совсем недавно, Ленинградский академический театр драмы имени А. С. Пушкина — в Москве.

«Все теперь жадничают видеть Каротыгина... Танне были драки и давки для получения билетов, что теперь обобщенная компания полипейская бывает по утрам... все представления, когда он играл, были набиты битком...», — так писали почти 150 лет тому назад современники о гастрольях Александринского театра в Москве.

Что ж, есть и сегодня такой актер в Театре драмы имени А. С. Пушкина — Игорь Олегович Павлов, народный артист СССР, по традиции Малого и Александринского театров, где имени актера был всегда главным действующим лицом, — художественный руководитель театра.

Я сказала бы так: нынешние гастроли театра — во многом бенефис И. Горбачева, крупного таланта, вполне отвечающего всей своей творческой жизнью на вечнозеленый вопрос Великого: «За чем мы ходим в театр?». «Бенефис» — какое устаревшее слово бы слово. Актерский «бенефис» — такое свежее это слово именно сегодня, когда режиссер стал полноправным хозяином театра, затмив подчас даже сильные художественные дарования.

И. Горбачев — художник ооного, если так можно сказать, полнокровного типа. По духу ему крупные, цельные характеры, люди душевно здоровые, необыкновенно активные, валящие интереснейшим делом, наделенные живым юмором, который скрадывает порой излишнюю патетику, умирает подчас ретро-романтический жар, столь любезный некогда старой Александрино.

На нынешних гастрольях мы увидели И. Горбачева в роли хирурга Крымова из спектакля «Пона бьется сердце» Д. Храбровицкого, Протасова на горьковских «Детей солнца», директора одного из крупнейших оборонных заводов Ремева в спектакле «Предел возможного» И. Герасимова. Это абсолютно разные роли, но вместе с тем это одна и та же роль — человека, фанатически влюбленного в свое дело, чей фанатизм укрепляет характер, не убивает, но возмущает людей, чей фанатизм, согретый лириками и юмором, делает натуру исключительно ясной натурой близкой, возможной для нравственного постижения.

Знакомись с хирургом Крымовым в исполнении И. Горбачева, вспоминая, что вот здесь же, на этой сцене, шел

некогда спектакль «Платон Кречет». Хирург Кречет и хирург Крымов, решающие на подвиг во имя жизни, в горя метафорически, на «посадку собственных сердец» страдающему человеку, стропил.

Директор завода Ремева — все тот же Чешков, Лагутич, Потапов — герои нашумевших производственных пьес и спектаклей. Но в исполнении И. Горбачева этот характер не вторичен, здесь есть своя тома: люди занимают директора, ранее занятого только делами людей. Жизнь трудна, этот человек живет всею душой, но как бы не болел, страдая, не уходит в страдания.

Горьковский Протасов знал множество трактовок, но, впрочем, и все горьковские образы — одновременно поэтические и политические, правдоподобные и идеальные. Фанатизм выбрал свое понимание характера Протасова, ученого без характера, замкнутого обывательской возней, не знающего, как применить свой талант для людей, озавоченных пона что больший аа существование. И. Горбачев увидел в этой натуре зерно некоего царя Федора в науке, в семье, в самом народе, поднимающемся к революции. Всех примирить,

все сгладить, снять противоречия добротой! Возможно ли? Невозможно ни по жизни, ни по Горькому. Возможно по волшебным законам поэзии, когда доброта может, если не дать счастья, то хотя бы указывать на него.

Нынешние гастроли ленинградской сцены — это и бенефис старой актерской гвардии, осененной славными именами Черкасова, Симонова, Меркурьева, Толубеева, недавно ушедшего Борисова. Как поразительно играют в спектакле «Пона бьется сердце» И. Адашевский, М. Нильсберг, И. Мамаева, А. Соколов. Наверное, бы роли не главные, но стали они драгоценной портретной галереей, где правда жизни соединена с правдой искусства.

Крупнейший хирург Вурцев в исполнении И. Адашевского дане и не несет на себе особых примет профессии. Актер сыграл больше, нежели точность профессии, он сыграл точность светлой души.

Невелика роль Кошпона — потрясенного отца, теряющего сына, которого сыграл А. Соколов. Но если есть в понятии трагедии понятие сострадания через ужас и очищения через страдание — все это рассказав нам в сценные «ролевые» ми-

нуты старый александринец Соколов.

Приветствуя на открытии гастрелей гостей из Ленинграда, москвичи извораили Н. Мамаеву со знаменем народной артистки СССР. Она и была народной артисткой в этом спектакле, играя медицинскую сестру Любушку, как собирательный образ многих и многих женщин, обездоленных войной, но и нашедших на войне неповторимое личное счастье. И быть может, именно так играла свою медицинскую сестру в спектакле «Платон Кречет» Корчагина-Александровская.

Бенефисной стала и роль Тургенева в исполнении Ф. Фрейндлиха на спектакля «Элегия» П. Павловского (режиссер И. Ольшангер). Не видели мы никогда Тургенева, но мы его узнавали, глядя на игру актера, ставшего вровень с известным тургеневским портретом, встречающим нас в одном из залов Русского музея в Ленинграде. Да, конечно, это Иван Сергеевич, с его ранней сединой и поздней молодостью, с его душевной ясностью, с сложной печалью, с его вечной тоской по России и вечной ненавистью к ее несправедливому общественным институтам.

Нынешние гастроли — это и бенефис молодых. С какой огромной душевной отдачей, как искренне сыграла свою Настю в распутином спектакле «Ийны и помин (режиссер С. Илюхин) молодая актриса Т. Кулиш.

Нынешние гастроли — это и бенефис театральные художников.

Амфитеатром возмущается сцена на сцене в спектакле «Пона бьется сердце» (постановщик И. Горбачев, режиссер А. Сагальчик). Амфитеатром из студенческих снаймей, где все в белом с черными гримфальными досками для записей лекций сидят студенты-медики, они же — хор, они же — настроение, они же — внутренний мир героя, они же — сама жизнь, окружающая главных персонажей. Это работа художника Д. Лидера, работа одновременно и сценарнографическая, а режиссерская, здесь как бы выявлен и жанр спектакля — народной эпопеи в камерном сюжете.

Тонкая шелковая паутина из салфеточек, шалей, лепестков, хрупких стеблей лилий и ирисов словно бы оплетает комнаты Протасовых в спектакле «Дети солнца» (режиссер А. Сагальчик). Все это и реальные приметы быта на-

чала века, все это и образ нерывных нитей, которые так воздушны, что дунь — и улетят, и так прочны, что не выпустят никого из своих паутиных хитросплетений. Эта работа художника М. Ничаева, одновременно и сценарнографическая, а режиссерская, здесь тоже нам бы выявлен жанр спектакля — социальной паутины, которую надо рвать не причесодущим словом, но решительным делом.

Бенефиса и работа сценарнографов Вл. и Викт. Крацовых в спектакле «Предел возможного» (постановка И. Горбачева, режиссер В. Хорин), где производственные драмы удачно сочетаются с метафоричностью.

Что же пожелать старшему коллективу на будущее?

Новых встреч с произведениями высокой советской драматургии, с режиссурой острого современного видения жизни и современных средств художественной выразительности прежде всего.

Провожая ленинградцев, мы еще раз скажем: «Там же были драки и давки для получения билетов...». Мы еще раз скажем слова приветия, любви, великого уважения и бесмертной славы старшей русской сцены.

И. ВИШНЕВСКАЯ,
доктор искусствоведения.